

От столь наглого и внезапного обвинения Чжоу Жань и Цзи Хуай опешили. Даже стоявший рядом великий генерал Лю Хучэн невольно покосился на молодого маркиза.

Один — заместитель командующего, в чьих руках сосредоточена власть над многотысячным пограничным войском. Другой — принц, не облечённый статусом наследника. В их положении даже лишнее слово, сказанное с глазу на глаз, могло навлечь подозрения в заговоре. В обычные дни каждый их шаг сопровождали доверенные люди, призванные свидетельствовать о безупречной преданности престолу. О какой «дружбе» вообще могла идти речь?

К счастью, Цзи Хуай соображал быстро. Изумление на его лице промелькнуло лишь на миг, уступив место мягкой, безукоризненной улыбке. Посмотрев на Хана Сиэня ясным, открытым взором, он заговорил:

— Наследник Хан слишком мнителен. Заместитель командующего Чжоу — заслуженный воин Великой Чжоу. Сейчас он ранен, и мне, как принцу и... помощнику императорского инспектора, подобает лично навестить его и справиться о здоровье. Разве это не мой долг? Или же наследник Хан сам привык безучастно взирать на чужие беды, а потому и чужую заботу считает предосудительной?

Слова Цзи Хуая заставили Лю Хучэна призадуматься. Пятый принц приезжал на рубежи Сицзяна дважды. В его первый приезд сам Лю Хучэн только принял командование и отчаянно нуждался в укреплении собственного авторитета. Цзи Хуай тогда пребывал в глубоком унынии из-за заточения своей тёти, добродетельной наложницы Сянь, тяготился службой на границе и выглядел совершенно потерянным.

На окраинах империи то и дело вспыхивали мелкие стычки, сопровождавшиеся кровопролитием. Увидев тогда впервые оторванные конечности и развороченную плоть, молодой принц побелел как полотно. Лишь гордость и императорское достоинство удержали его от того, чтобы опозориться на глазах у солдат. В тот раз великий генерал решил, что пятый принц — юноша весьма бесхитростный.

Теперь же, вернувшись на заставу, Цзи Хуай держался куда увереннее. И всё же то, с каким неприкрытым вызовом он демонстрировал свою неприязнь к Хану Сиэню, выдавало в нём прежнюю наивность. Простодушие порой располагает к себе, но в дворцовых интригах оно смертельно опасно.

К тому же Лю Хучэн впервые видел, чтобы пятый принц выказывал такую хватку и красноречие. Он говорил веско, уверенно, да ещё и уколол Хана Сиэня за равнодушие к воинам Сицзяна. «Всё-таки он императорской крови, — невольно подумал военачальник. — Каким бы безобидным ни казался этот юноша, хватки ему не занимать».

Хан Сиэнь лишь небрежно пожал плечами. На его лице не отразилось ни капли раскаяния.

— К чему гневаться, Ваше Высочество? Я лишь порадовался, что вы столь рачительно исполняете волю Его Величества и печётесь о нуждах пограничников. Только и всего.

Этот невозмутимый вид — мол, мы ведь с вами говорим об одном и том же — заставил Цзи Хуая содрогнуться от едва сдерживаемого бешенства. В целом свете едва ли нашёлся бы другой человек, способный на столь изощрённое бесстыдство.

Преданный забвению Чжоу Жань наконец улучил минуту, чтобы вмешаться. Игнорируя присутствие Хана Сиэня, он обратился к великому генералу полный горькой обиды и унижения взор.

— Благодарю за заботу, командующий, — хрипло произнёс он, стараясь говорить как можно ровнее. — Но я вынужден просить вашего правосудия. Солдат Бай Шу грубо нарушил воинский устав. Он посмел поднять оружие на старшего по званию. Если оставить это безнаказанным, если каждый подлец в лагере начнёт творить беззаконие, армия Сицзяна превратится в неуправляемое сборище! Прошу вас, накажите смутьяна по всей строгости закона.

Чжоу Жаню каждое слово давалось с трудом. Позор лежал на нём тяжёлым клеймом. Как бы ни покарала Бай Шу, весть о том, что простой инструктор едва не лишил заместителя командующего мужской силы, уже разлетелась по всему пограничному лагерю. Рано или поздно об этом позоре заговорят в столице Великой Чжоу, а там и до вражеских государств слухи дойдут.

И пусть рана затянулась, а мужское достоинство не пострадало, он ведь не станет каждому встречному доказывать свою полноценность! Мысль о том, что до конца дней ему придётся сносить глумливые смешки и шепотки за спиной, приводила его в бешенство. За такой позор смерти для Бай Шу было мало.

Великий генерал Лю Хучэн в душе разделял эти опасения. Чжоу Жань занимал высокий пост, в то время как Бай Шу был всего лишь мелким подчинённым. Если спустить подобное буйство на тормозах, авторитет командного состава рухнет. Солдаты уверуют во вседозволенность, и тогда на границе воцарится хаос.

Ради сохранения дисциплины Лю Хучэн был готов пойти на конфликт даже с самим Ханом Сиэнем. Потерять доверие армии для него было страшнее. «Что ж, — с толикой тоскливой обречённости подумал генерал, — в худшем случае подам в отставку на пару лет раньше и вернусь в родную деревню».

Прежде чем генерал успел озвучить своё решение, тишину нарушил ленивый голос Хана Сиэня:

— И какое же наказание заместитель командующего Чжоу считает справедливым для Бай Шу?

Маркиз неторопливо подошёл к кровати больного, опустился в стоявшее рядом кресло и принялся размеренно постукивать пальцами по деревянному подлокотнику.

Присутствующие невольно переглянулись. Кресло стояло так близко к изголовью раненого, что

сидевший в нём человек находился буквально на расстоянии вытянутой руки от Чжоу Жаня. Так близко подпускают лишь тех, кому безраздельно доверяют.

До их прихода в палатке находился один лишь Цзи Хуай. Однако юноша изо всех сил разыгрывал полное равнодушие и непричастность к делам раненого. Лю Хучэн, умудрённый опытом военачальник, подметил эту странность, но ни единым жестом не выдал своих подозрений.

Чжоу Жань сжал губы и отвёл взгляд, упрямо игнорируя намёк. Но, справившись с минутным замешательством, он уставился на Хана Сиэня с затаённой злобой:

— Мне известно, что этого смутьяна связывают с господином маркизом давние узы. Однако закон один для всех. Коль содеял преступление — изволь ответить по чести. За бунт против командира полагается казнь. Смерть бунтовщика станет хорошим уроком для прочих вольнодумцев. Что скажете на это, наследник Хан?

Он умышленно подчеркнул их близость, давая понять: даже столь высокопоставленный покровитель не смеет попирать армейские законы ради личной выгоды.

Хан Сиэнь согласно наклонил голову.

— Закон суров, но справедлив, — спокойно произнёс он. — Бунтовщикам туда и дорога.

Он замолчал, не отрывая взгляда от Чжоу Жаня. От этого тяжёлого, пронизательного взора у раненого по спине пробежал холодок. Не успел тот опомниться, как маркиз резко подался вперёд и протянул руку к его груди.

Жест вышел настолько двусмысленным, что свидетели этой сцены оцепенели. Первым опомнился сам Чжоу Жань. Побледнев, он перехватил запястье Хана Сиэня и выплюнул с яростью:

— Наследник Хан, знайте меру!

Однако тонкая ткань на его груди уже затрещала, приоткрыв потайную складку нижнего платья. Пальцы Чжоу Жаня сжались на запястье маркиза мёртвой хваткой. Хан Сиэнь поморщился от боли, с силой высвободил руку и потёр покрасневшую кожу. Не теряя самообладания, он поднялся на ноги и указал пальцем на раненого:

— Генерал Лю, взгляните-ка сюда. Кажется, наш доблестный заместитель командующего прячет за пазухой некое сокровище.

Чжоу Жань растерялся и опустил взгляд. Воспользовавшись его секундным замешательством, Хан Сиэнь молниеносно рванулся вперёд, одной рукой прижал плечо раненого к подушкам, а

другой выхватил из складок одежды заветный бумажный свиток.

Всё произошло в считанные мгновения. Чжоу Жань не успел даже вскрикнуть, а добыча уже оказалась в руках нападавшего. Цзи Хуай и Лю Хучэн ошарашенно наблюдали за этой бесцеремонной потасовкой.

Хан Сиэнь отступил на пару шагов. Не торопясь разворачивать трофей, он с усмешкой оглядел побелевшего как полотно Чжоу Жаня.

— У вас, генерал, скверная привычка. Стоит вам спрятать ценную вещицу, как вы начинаете то и дело проверять её сохранность, да ещё и руки заламываете от волнения. Я лишь хотел разыграть вас, но, надо же, улов превзошёл все ожидания.

С этими словами он развернул бумажку. На ней неровным, дрожащим почерком было выведено несколько слов. Пробежав их глазами, Хан Сиэнь небрежно бросил листок Лю Хучэну:

— Мои познания в каллиграфии весьма скромны, генерал Лю. Будьте добры, растолкуйте мне, что здесь написано.

Стоило командующему скользнуть взглядом по строчкам, как лицо его потемнело от гнева. Он взмахнул клочком бумаги перед носом раненого:

— «Наследник уязвим, слухи нанесут удар»... Так это твоих рук дело, Чжоу Жань?! Это ты распускал по лагерю ту гнилую ложь о привязанности Его Величества к маркизу?!

— Нет! Всё совсем не так! — в панике закричал Чжоу Жань.

Он попытался резко сесть, но от резкого движения свежие швы разошлись, и на светлых простынях тут же проступили алые пятна крови. Превозмогая острую боль, он взмолился, глядя на Лю Хучэна:

— Командующий, умоляю, выслушайте! Всё гораздо сложнее, чем кажется!

Захлёбываясь словами, он принялся выкладывать правду. Несколько дней назад кто-то подбросил в его палатку записку, в которой говорилось о Хане Сиэне и содержалось предложение о тайной встрече. Чжоу Жань, затаивший глубокую обиду на заносчивого маркиза, не смог устоять перед искушением узнать, кто скрывается под маской таинственного заговорщика. Каково же было его изумление, когда на условленном месте он обнаружил пятого принца!

Смутившись, они спешно разошлись по своим палаткам, решив не искушать судьбу. Однако наутро Чжоу Жань нашёл новое послание. В нём таинственный доброжелатель обещал преподнести ему «великолепный подарок», способный сокрушить Хана Сиэня. Вскоре по

заставе поползли те самые грязные слухи. Чжоу Жань не скрывал злорадства, но всё же приказал обыскать палатки, пытаясь вычислить кукловода. Поиски ни к чему не привели, а вчера вечером объявилась третья записка — та самая, что сейчас держал генерал. Автор утверждал, что разоблачение Хана Сиэня близится к развязке, и требовал встречи на прежнем месте вместе с Цзи Хуаем.

Все эти дни принц навещал раненого лишь ради того, чтобы вместе разгадать личность таинственного кукловода.

Чжоу Жань умолк, бросив виноватый взгляд на Цзи Хуая:

— Уверен, Его Высочество получил точно такое же письмо.

Лицо Цзи Хуая вспыхнуло от ярости и стыда.

— Наглая ложь! — оборвал он его на полуслове. Повернувшись к военачальнику и безмолвному маркизу, он холодно процедил: — Я впервые слышу об этих бреднях. Если почтенный генерал и наследник Хан сомневаются в моей чести, они могут немедленно обыскать мою палатку и меня лично. Мне нечего скрывать.

Лю Хучэн пригляделся к принцу. Тот держался слишком уверенно — даже если он и был замешан в интриге, никаких улик при нём сейчас точно не было.

Хан Сиэнь проигнорировал вспышку королевского гнева. Его взгляд по-прежнему был прикован к раненому.

— Допустим. Вы точили зуб на меня. Но при чём здесь Бай Шу? За что он едва не лишил вас мужской силы?

Чжоу Жань осёкся, не зная, как оправдаться. Правда была слишком постыдной. Когда по лагерю поползли слухи, он упивался триумфом и не раз в частных беседах делился с подчинёнными похабными домыслами о том, как именно изнеженный маркиз ублажает государя в императорской постели. Сегодня, когда Цзи Хуай навестил его, Чжоу Жань вновь не удержал язык за зубами и принялся смаковать скобрезные подробности. Он и подумать не мог, что стоявший на часах у входа инструктор Бай Шу ворвётся в палатку с обнажённым клинком и попытается снести ему голову.

Разумеется, озвучить это вслух он не посмел. Но Хану Сиэню не требовались признания. Посмотрев на раненого с ледяным презрением, он обронил лишь одно слово:

— Идиот.

Развернувшись к командующему, маркиз добавил:

— Это внутреннее дело армии Сицзяна, генерал Лю. Я не стану вмешиваться. Но рассчитываю на ваше беспристрастное расследование. И разумеется, в своём докладе Его Величеству я упомяну каждую деталь этой занимательной истории.

Не дожидаясь ответа, Хан Сиэнь покинул палатку.

Лю Хучэн повернулся к принцу. Его тон оставался безупречно вежливым, но в голосе звенели стальные нотки:

— Ваше Высочество, дело принимает скверный оборот. Нам необходимо вычислить таинственного кукловода. Поскольку ваше имя оказалось замешано в этой грязной игре, я вынужден просить вас не покидать пределы своей палатки в ближайшие несколько дней. Ради вашей же безопасности.

Цзи Хуай сохранил лицо. На его благородном облике не отразилось ни тени тревоги.

— Разумеется, генерал Лю. Мои двери всегда открыты для правосудия, — ровно ответил он.

В сопровождении гвардейцев, вызванных командующим, принц чинно удалился в свои покои.

Он шёл неторопливо, с гордо поднятой головой, словно глупые обвинения раненого генерала его ни капли не задели. Обыск в его шатре не дал результатов: ни тайных писем, ни подозрительных свитков стража не обнаружила. Поклонившись принцу, досмотрщики удалились ни с чем.

Едва полог палатки закрылся за последним солдатом, напускное спокойствие Цзи Хуая испарилось без следа. Он без сил рухнул на бамбуковую кушетку. Лицо его покрылось мертвенной бледностью, а по спине покатились крупные капли холодного пота. Страх ледяными тисками сжимал его горло.

И именно в это мгновение из полумрака угла донёсся тихий, полный ядовитого презрения голос Хана Сиэня:

— Какое жалкое зрелище, Ваше Высочество. Не думал, что вы настолько трусливы.

<http://bllate.org/book/20088/2002089>